

(Отпустили, да?)

Атпустили. Ани [немцы] толька там што-та говорят, што, не знаю што, только махають рукой, што ухадите, ухадите! Мы эта и ушли... И вот... да... и мы ушли. И ужэ дела к вечэру была, хоть эта летнее время эта была, а ужэ сафсем вечэр... позна... и вот мы там убежали черес сваи огороды, огорот, и там така ложбина была, и я в эту ложбину... и там на колешках, ракам, и убежали в лес. Убежали.

Прибежали мы в лес, наши были... находились на Люты там, и мать там находилась на Люты, и наши жытели... [плачет]. Не могу... Поплакать нада. До сих пор прецтавляю, как мама лежала вот так бросифшы на пол и ревела во фсю моч, што мяня, што мяня нету... што я у немцеф, у немцеф осталася. И вот так тряхнуфшы была на землю [кладет голову на руки, сложенные крестом] и ревела, ревела на фсю моч! И я прибежала туда, прибежала туда... к ним... туда... И там мы были, там мы были... ну, как гаварица, мы там фстретились... там ночевали.

А в деревне остался такой старый мужык, старый мужык. У этава мужыка тожэ сын был, тожэ сын был, он тожэ в деревне остафшы, и вот сын-то с нами и был этот... и вот он это, он нас разыскал потом, што мы находимся на Люты, а он в деревне остался, вот этот старый дет-то... И вот он пришол и говорит: «Пойдёмте домой. Немцы нам ничево не зделают! плохова!» Вот это уш надо должное оддать! Аүа. И гаварит: «Я ужэ с ним чай пил, и ани, мне там перевотчик где-то был и сказал, што пускай фсе домой едут, и не боятца никова». И верно! Мы взяли и отправились домой и так потом и жыли там дома... Так-так... и жыли, так и жыли...

(А немцы ушли?)

А немцы, ну немцы прашли, они на Гдоф туда ушли. Аүа. Потом появлялись у нас немцы. Но фсё равно это... мы так в деревне и жыли.